

Федеральное агентство научных организаций
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УТВЕРЖДАЮ
Председатель СПбНЦ РАН
академик

Ж. И. Алферов

« » 2014 г.

ОТЧЕТ
по теме 101.1.
«Научное описание архивных коллекций и рукописных материалов
петербургских институтов РАН»
по Государственному заданию СПбНЦ РАН в 2014–2016 гг.
(промежуточный)
Этап 2014 года

Научный руководитель
академик

 Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
2014

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ:

Научный руководитель – гл.н.с., академик

Н. Н. Казанский
(введение, заключение)

Ответственные исполнители:

с.н.с., к.и.н.

Е. Г. Заострожникова (2)

зав. НИО СПбНЦ РАН, к.и.н.

Е. А. Иванова (5)

вед. специалист

С. Б. Коренева (1)

гл.н.с., д.и.н.

И. В. Тункина (2)

Исполнители:

н.с.

Л. Г. Николаева (1-5)

н.с.

А. А. Воронова (1-5)

Соисполнители:

зав. отделом

Н. С. Прохоренко (4, СПбФ Архива РАН)

с.н.с., к.и.н.

Л. Б. Вольфцун (3, ИЛИ РАН)

специалист

Н. А. Паличенко (2, СПБИРИ РАН)

РЕФЕРАТ

Отчет 43 стр., 5 разделов, 24 ист.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ АРХИВОВ

Сроки начала и окончания научно-исследовательского проекта: 2014–2016 гг.

Главная цель исследования – обработка и научное описание архивных и рукописных материалов из личных фондов выдающихся ученых, деятелей науки и культуры, хранящихся в петербургских гуманитарных институтах. Эти документы являются главной базой историко-научных исследований для специалистов по истории отечественной науки. Для ввода их в научный оборот необходимо проведение комплексного научного описания и технического оформления россыпи документов, поступивших в фонды в разные годы. Таким образом, создание научно-справочного аппарата (НСА) и научно-техническое описание фондов (НТО) расширяет источниковую (архивную) базу по истории фундаментальных наук.

Научное описание фондов СПФ АРАН представляется важнейшим и одним из наиболее перспективных направлений источниковедческих исследований по истории отечественной науки. Получение Государственного задания на выполнение работ по обработке научных фондов СПФ АРАН позволило привлечь дополнительные средства для их описания. Это увеличило темп обработки россыпи, результатом чего стало создание новых фондов в СПФ АРАН, что в дальнейшем будет способствовать появлению научных работ, написанных на основе изучения документов обработанных фондов, сданных на государственное хранение. К разбору россыпи и научному описанию фондов удалось привлечь молодых сотрудников с целью их обучения методике архивной работы, правилам описания и технического оформления документов. Эта практика способствует скорейшему введению ретроспективной документальной информации в научный оборот, обеспечивая доступ к описанным документам историкам науки из 60 стран мира в читальном зале петербургского академического архива.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	5
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
1 Обработка швейцарских материалов в архиве М.А. Бородиной	6
2 Описание материалов, посвященных античной эпиграфике, из личного архива доктора исторических наук Ю.Г. Виноградова	9
3 Обработка и описание личного архива Л.Г. Герценберга.....	10
4 Обработка и описание личного архива профессора А.А. Шахматова.....	11
5 Архивные материалы по главному зданию Академии наук в Санкт- Петербурге.....	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	40
СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	41
Публикации по теме исследования в 2014 году	43

ВВЕДЕНИЕ

Развитие фундаментальных научных исследований является одной из наиболее актуальных задач, стоящих в настоящее время перед модернизируемой Россией в целом и Санкт-Петербургом в частности, как крупнейшим научным и культурным центром страны. Достижение этого результата невозможно без постоянного осмысления уже достигнутых в прошлом научных результатов научно-исследовательскими институтами, творческими коллективами и отдельными учеными. Это осмысление должно происходить в достаточной степени оперативно, однако в соответствии с действующим законодательством в области архивного дела и практиками его применения между сдачей научных документов в архив и обеспечением к ним доступа стоит важнейший этап — комплектование академического архива, разбор и научное описание россыпи, экспертиза ценности документов с целью создания архивных фондов научных учреждений и личных фондов ученых. Без этого этапа, который является первым и важнейшим этапом научной работы с документами, извлечение из них необходимой информации в принципе невозможно.

Главная цель исследования – обработка и научное описание архивных и рукописных материалов из личных фондов выдающихся ученых, деятелей науки и культуры, хранящихся в петербургских гуманитарных институтах. Для достижения цели поставлены следующие задачи: изучение фондов личного происхождения; рассмотрение и изучение особенностей комплектования и описания документов личного происхождения; определение роли документов личного происхождения в формировании информационной базы; проведение экспертизы ценности документов личного происхождения и определение их значимости для изучения истории науки и культуры; подготовка научных статей для журнал «Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию».

Крупнейшим хранилищем документов, в котором наряду с архивными фондами академических учреждений хранится большое количество материалов из личных фондов и коллекции документов выдающихся ученых, является Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Архивные материалы из фондов личного происхождения находятся и в других институтах гуманитарного профиля.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1 Обработка швейцарских материалов в архиве М.А. Бородиной

Участники проекта, нацеленного на изучение языка и лингвистических ситуаций, характерных для многоязычной и полидиалектной Швейцарии, называли этот проект «швейцарский семинар». Два десятилетия швейцарская тематика объединяла филологов-романистов и германистов – в основном аспирантов Ленинградского университета (ныне СПбГУ) и Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена (ныне РГПУ), а также аспирантов и сотрудников ЛО Института языкознания АН СССР (с 1990 г. – ИЛИ РАН). Деятельность семинара (в широком смысле) отразилась в серии публикаций, посвященных языкам и диалектам Швейцарии – их культурно-историческому, социолингвистическому и историко-лингвистическому анализу. Эти публикации объединяют интересы двух творческих групп: швейцарского семинара, функционирующего при кафедре германской филологии под руководством профессора А.И. Домашнева и лингвогеографического семинара, созданного при ЛО Института языкознания в 1971 г. по инициативе профессора М.А. Бородиной. Были опубликованы четыре сборника, целенаправленно посвященных языкам и диалектам Швейцарии, состоялась защита нескольких кандидатских диссертаций в области германистики и романской филологии, выполненных на швейцарском языковом материале. Публикации участников семинара упоминались даже в швейцарской прессе. Инициатива всестороннего изучения швейцарского языкового материала и уникальных лингвистических проявлений, исторически сложившихся в пределах Швейцарской Федерации, принадлежала М.А. Бородине. Её труды удачно сочетали историко-грамматический и диалектологический подходы к романоязычным ареалам. Это сблизило М.А. Бородину с московской лингвогеографической школой, с Н.И. Толстым – основателем этнолингвистического направления в славянской исторической диалектологии. С 1971 г. М.А. Бородина принимает участие в организации и проведении всесоюзных конференций, объединивших романистов, германистов, славистов, а также этнографов (во главе с К.В. Чистовым), было обращено особое внимание на достижения немецкой диалектографии, французской лингвогеографии, отечественной школы картирования соотносительных диалектных различий. Усилиями М.А. Бородиной существенно была продвинута работа по созданию «Диалектологического атласа тюркских

языков СССР» и заложены основы для сбора материалов к «Лингвистическому атласу русских народных говоров».

Мелитина Александровна Бородина родилась 30 сентября 1918 г. в г. Смела Киевской обл., в 1930 г. поступила в 13 ФЗУ Василеостровского района Ленинграда, в 1935 г. окончила школу. В 1936 г. Бородина поступила на филологический факультет ЛГУ, на романское отделение, которое окончила в 1941 г., работала библиотекарем в университете, в госпитале, преподавала в 1-ой Фельдшерско-акушерской школе. В 1943 г. была эвакуирована в Ташкент, а после возвращения из эвакуации в 1945 г. заканчивает аспирантуру и в 1946 г. защищает кандидатскую диссертацию под руководством В.Ф. Шишмарева на тему «Семантико-грамматические группы глагола современного французского языка». В 1950 г. в её переводе выходит книга А. Эрну «Историческая морфология латинского языка», в 1953 г. Мелитина Александровна начала преподавать в ЛГПИ и ЛГУ. В 1955 г. издан «Старофранцузский словарь в Книге для чтения по истории французского языка», составленный ею вместе с В.Ф. Шишмаревым и М.В. Гординой. В 1957 г. после командировки во Францию М.А. Бородина публикует свои работы в издании Института романской лингвистики «Revue de langues romanes». После выхода в свет первых академических монографий о ретороманском языке, появившихся в России (Бородина, 1969, 1973), Мелитина Александровна получает от Культурного фонда Швейцарии (Pro Helvetia) приглашение ознакомиться на месте с языковой ситуацией в Граубюндене. Швейцарские ученые очень хотели познакомиться с человеком, который живя далеко от Швейцарии, смог написать две книги о двух очень мало известных не только в жизни, но и в науке ретороманских языках – сурсельвском и энгадинском (из воспоминаний М.А.) Поездка состоялась в 1976 г.: М.А. Бородина встречается с носителями языка, её принимают представители ретороманской культуры. Визит и работа М.А. в Швейцарии широко освещалась в местной прессе. Отсутствие в библиотеках Ленинграда и Москвы необходимой литературы по ретороманским исследованиям было компенсировано Мелитиной Александровной в ходе её переписки с коллегами из Швейцарии.

Научные занятия филолога-романиста М.А. Бородиной удачно пересеклись с социолингвистической и историко-лингвистической проблематикой, оказавшейся в поле внимания германиста А.И. Домашнева. В 1974 г. началась работа по подготовке сборника, который охватывал бы все лингвистические ареалы Швейцарии. В 1974 г. сборник «Лингвистическая карта Швейцарии» был напечатан. Он открывался статьёй М.А. Бородиной

«Становление и функционирование многоязычия в Швейцарии» и А.И. Домашнева «К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии».

В 90-х годах XX века несколько изменилась гуманитарная тематика как в академических институтах, так и в вузовской науке. В моду вошли гендерные исследования, обобщения языковой «картины мира», труды по социолингвистике и т.д. «Швейцарский семинар» на этом фоне остается уникальной исследовательской школой. М.А. Бородина скончалась в декабре 1994 г. в Петербурге.

В настоящее время готовится сборник научно-информационных материалов «Санкт-Петербург – Швейцария» в связи с 200-летием установления дипломатических отношений между нашими странами. Сборник выходит в серии «Санкт-Петербург и мир», которая существует с 2005 года под руководством Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского Научного центра РАН» при участии Фонда Д.С. Лихачева. Редколлегия сборника сочла необходимым поместить статью памяти М.А. Бородиной. Статья подготовлена к.ф.н., в.н.с. ИЛИ РАН Н.Л. Сухачёвым.

2 Описание материалов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, посвященных античной эпиграфике, из личного архива доктора исторических наук Ю.Г. Виноградова

Ф. 1124 – Виноградов Юрий Германович (1946–2000), антиковед, эпиграфист, профессор МГУ, член-корреспондент Германского археологического института.

Проведено научное описание дополнительного поступления к фонду, полученного в 2013 г. Разобрано 25 см россыпи (картотека по надписям Танаиса, переписка, копия личного дела Ю.Г. Виноградова, полученная из Института всеобщей истории РАН, и др.).

В 2014 г. оформлены электронные описи всего фонда.

Описи состоят из следующих разделов: 1) Научные труды и материалы к ним; 2) Документы к биографии; 3) Документы по деятельности, 4) Труды других лиц. В последнем разделе содержатся ценные неопубликованные материалы эпиграфиста и скифолога Б.Н. Гракова и антиковеда А.С. Коцевалова.

Фонд содержит ценнейшую переписку Ю.Г. Виноградова как с отечественными так и с зарубежными коллегами. Комплекс этих документов нельзя назвать «личной перепиской». Письма содержат важные научные наблюдения и дискуссионный обмен мнениями по археологии и эпиграфике севернопричерноморских полисов и имеют самостоятельную научную ценность.

К описям составлен весь необходимый научно-справочный аппарат, в том числе предисловие, включающее биографию фондообразователя и разъяснение принципов структурирования материалов фонда и формирования дел. Проведена атрибуция ряда рукописных материалов родственников и знакомых фондообразователя, для описания которых потребовались консультации членов семьи Ю.Г. Виноградова, проживающих в Москве.

Описи фонда были представлены для утверждения на Центральной экспертной комиссии СПбНЦ РАН по приему документов на государственное хранение в июне 2014 г. (721 дело за 1937–2000 гг.), но были возвращены на доработку рецензентом И.В. Тункиной. Переработанную опись планируется представить на утверждение ЦЭК СПбНЦ РАН в 2015 г.

3 Обработка и описание личного архива Л.Г. Герценберга

В 2014 г. обработан личный фонд доктора филологических наук, профессора Л.Г. Герценберга (1934–2012).

Главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН Леонард Георгиевич Герценберг был крупным специалистом в области иранского и индоевропейского языкознания. Круг его научных интересов включал в себя различные аспекты сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков (реконструкция индоевропейского вокализма на основе взаимодействия сегментного и просодического уровней, морфологическая структура слова в индоевропейских языках, тенденции морфологического развития и механизмы, лежащие в их основе, этимологические исследования). Л.Г. Герценберг — автор пяти монографий и более 200 статей. С 1968 г. он преподавал на кафедре общего языкознания Ленинградского–Санкт-Петербургского университета, с 1993 г. являлся его профессором; под его руководством было защищено более 25 диссертаций. При активном участии Л.Г. Герценберга на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета было создано отделение баллистики. С конца 1980-х годов Л.Г. Герценберг читал курсы и выступал с лекциями и докладами во многих городах Европы, США и Азии странах: Германии, США, Испании, Италии, Нидерландах, Австрии, Великобритании, Швеции, Иране.

Архив Л.Г. Герценберга был передан в ИЛИ РАН его вдовой Е.В. Ревуненковой в 2014 г. Архив включает в себя рукописи, машинописи и компьютерный набор научных работ Л.Г. Герценберга, подготовительные и черновые материалы к ним; документы, относящиеся к научной, научно-организационной и преподавательской деятельности в ЛОИЯ АН СССР – ИЛИ РАН, ЛГУ–СПбГУ и других учреждениях. В фонде широко представлены материалы научных конгрессов, конференций, коллоквиумов в нашей стране и за границей, в которых он принимал участие. Представлена также научная переписка Л.Г. Герценберга.

В фонде содержатся документы биографического характера, списки научных работ Л.Г. Герценберга, различные отчеты, дипломы, отзывы о его трудах и деятельности, печатные материалы и т.д. Кроме того в фонде имеются работы других лиц, в частности, дипломы и диссертации, руководителем или рецензентом которых являлся Л.Г. Герценберг.

Значительное место в архиве Л.Г. Герценберга занимают копии иностранных научных трудов, которые отсутствуют в библиотеках России и были сделаны ученым во время его заграничных поездок.

Фонд обработан в соответствии с правилами обработки личных фондов, принятыми в Архиве РАН.

4 Обработка и описание личного архива профессора А.А. Шахматова

Фонд А.А. Шахматова был принят Архивом АН СССР из Рукописного отделения Библиотеки Академии наук в 1931 г., куда он поступил в 1923 г. от семьи учёного. В Архиве фонду присвоили № 134 [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1-4]. В дальнейшем поступления продолжались до 1949 г. Последнее было в 1975 г. В настоящее время в фонде 2781 дело. Дела распределены по 4 описям. Вошедшие в первую опись научные труды, документы к биографии и по деятельности были описаны без какой-либо схемы систематизации, поэтому к этой описи имеется предметно-тематический указатель («ключ»).

Каждый фонд, хранящийся в Архиве, имеет свою историю, которая отражается в деле фонда. В нём фиксируется всё, что с этим фондом происходит. Там находятся акты приёмки документов, обработки и переработки фонда, сведения о дополнительных поступлениях, акты о реставрации или консервации документов и др.

В деле фонда Шахматова отражено, к сожалению, не всё: в далёкие тридцатые годы ещё не существовало той скурпулёзности в отражении судьбы документов, которая появилась позднее. Имеется справка о фонде, в которой говорится, что он прошёл научно-техническую обработку в 1932-1936 гг. [СПФ АРАН. Дело фонда филолога, академика А. А. Шахматова (ф. 134), л. 77]. Имена обработчиков, к сожалению, не зафиксированы. Но нам достоверно известно, что дела описи № 1 «Научные труды, документы по деятельности и биографические» описаны в 1936 г. дочерью учёного Софьей Алексеевной Шахматовой-Коплан. Она работала в Архиве с 1936 г. до самой своей гибели в 1942 г. В её личном деле имеется отчаянная записка, присланная ею в Архив: «Дорогие товарищи! Умоляю вас, спасите нас. Мы совсем погибаем...» [СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 54. Л. 81]. Спасти не удалось. В январе 1942 г. она и её сын Алёша умерли от голода в один день. Директор Архива Г. А. Князев писал в своём дневнике о том, что Софья Алексеевна была удивительно стойким и мужественным человеком, эта «замечательная женщина» выдержала бы все тяготы и испытания, но её сломил последний арест мужа в ноябре 1941 г. А это уже оказалось невозможным перенести [Князев 2009: 388-389, 391].

Первая опись фонда Шахматова, а также «ключ» к ней, до сих пор хранятся в Архиве в исполнении Софьи Алексеевны. От начала до конца они написаны её рукой. В опись входит большое количество научных трудов.

Имеются статьи и монографии по истории русского летописания и других памятников древнерусской письменности. Среди них работы:

«Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия» (1896), Киевский Патерик и Печерская летопись» (1897), «Древнейшие редакции Повести временных лет» (1897), «К

вопросу о происхождении Хронографа» (1899), «Симеоновская летопись XV в. и Троицкая начала» (1900), «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (1900 г.), «Исследование о Радзивилловской или Кёнигсберской летописи» (1902 г.), «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод» (1903 г.), «Иоасафовская летопись» (1904), «О так называемой Ростовской летописи» – предисловие к летописи (1904), «Сказание о призвании варягов» (1904 г.), «Толковая Палея и русская летопись» (1904 г.), «Жития и сказания, касающиеся князя Владимира» (1906) (в Архиве имеется только корректура с правкой Шахматова, рукопись хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира» (1908 г.), «Корсунская легенда о крещении Владимира» (1908 г.), «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908), «Летописец Нестор» (1913 г.) и др. Сохранилась рукопись публикации «Повести временных лет», вводная часть и примечания написаны Шахматовым (1916 г.). «Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв.» (дата не указана, опубликовано в 1938).

Большая часть работ Шахматова опубликована в «Известиях ОРЯС», «Чтениях Общества истории и древностей российских», «Журнале Министерства народного просвещения», каких-либо сборниках или же отдельными изданиями. Почти все его труды в фонде представляют собой рукописи (автографы Шахматова).

Имеются работы по истории русского языка и диалектологии:

«Исследование о языке новгородских грамот XIII-XIV вв.», (1884), «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1889); совместно с В.Н. Щепкиным «Особенности языка Остромирова евангелия» [1889 г.], магистерская диссертация Шахматова «Исследования в области русской фонетики» (1893), «Материалы для изучения великорусских говоров» (1896), «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» (1896 г.), «К истории звуков русского языка» (1896, 1902 и 1903), «К истории ударений в славянских языках» (1898), «К истории звуков русского языка. Общеславянское ä» (1901 г.), «Русское и словенское акание» (1902 г.), «Исследование о двинских грамотах XV в.» (1903 г.), «Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.» (1913 г.), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» (1916), «Варанголимен и Россофар» (к вопросу о происхождении имён Варяги и Русь) (1918) и др.

Труды А.А. Шахматова в области славяно-русской письменности Н. К. Никольский назвал «шедеврами научного творчества и необъятных знаний» [Никольский 1920: 158].

Летом 1916 г. в Губаревке Шахматов впервые в жизни занялся разработкой

синтаксических вопросов. В 1914 г. вышел в свет труд А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», который заинтересовал Шахматова: в фонде имеется сама работа Пешковского с пометами Шахматова и его заметки об этом труде 1916-го года. Этим же летом Шахматов создаёт курс лекций о синтаксисе русского языка, построенный на громадном материале памятников письменности и русских говоров. Эти лекции имеются в фонде, он их читал в Петербургском университете в 1916/1917 уч.г. На этом учёный не остановился и задумал фундаментальный труд о синтаксисе современного русского языка.

Имеются подготовительные материалы к этому труду (1916-1920): первые наброски, планы, незаконченные исследования «Задачи синтаксиса», «Синтаксис словосочетаний» «Учение о предложении» и др. Имеется также 77 конвертов, наполненных карточками с выписками для этой работы. Сохранилась незаконченная статья «Виды русских предложений» [1919-1920]. Наконец, есть и автограф работы «Синтаксис русского языка», опубликованной уже посмертно в 1925 и 1927 гг. под редакцией Е. С. Истриной. (В 2011 г. вышло 5-е издание этого труда).

Ещё в далёкие годы студенчества Шахматова выдающийся филолог-славист И. В. Ягич натолкнул его на мысль о том, что для изучения истории русского языка обращение к одним только письменным источникам является недостаточным, а нужны «свидетельства, почерпнутые из живого языка, и особенно его говоров». Шахматов не раз предпринимал экспедиции с целью изучения местных говоров. Сохранились фольклорные записи сказок, свадебных песен и причитаний, былин и загадок Петрозаводского и Повенского уездов Олонецкой губ., сделанные им во время учёбы в Московском университете летом 1884 г. И в дальнейшем периодически предпринимались такие поездки: сохранились записи народных песен Калужской губ. 1895 года; фольклорные и диалектологические записи, произведённые в Минской губ. в 1907-1908 гг., а также дневники поездок по Архангельской (1901) и Рязанской губерниям (1913), имеются отчёты о некоторых поездках.

А. А. Шахматову принадлежит идея создания программы для собирания особенностей народных говоров, такая программа была им создана в 1887 г., опубликована и разослана на места. Она хранится в фонде учёного.

Где ещё как не в таких поездках по российской глубинке можно познать духовную жизнь народа? По словам П. А. Вяземского язык есть код духа народа. В этих поездках Шахматов с удовольствием общался с простыми людьми, он любил их, а нередко и восхищался ими.

Например, во время своего пребывания в деревне Лека Егорьевского уезда Рязанской губернии в 1912-1913 гг. он познакомился с плотником Иваном Степановичем Гришкиным,

который оказался талантливым человеком с широким кругозором, местным самородком. Гришкин, имея интерес к русскому языку и тонкую наблюдательность, преподавал самому Шахматову урок диалектной фонетики [Макаров 2000: 319]. Впоследствии восхищённый учёный даже рассказал о нём в письме к президенту АН Константину Константиновичу. В фонде имеются диалектологические материалы, собранные И.С. Гришкиным и другими жителями Егорьевского уезда, которые были опубликованы с примечаниями Шахматова в сборнике ОРЯС в 1916 г.

С большим уважением и интересом учёный относился не только к русскому языку, но также к языкам других народов, населявших Россию.

В фонде имеются работы по украинскому языку. Шахматов проявлял живой интерес к этому языку в то время, когда нередко его считали даже не самостоятельным языком, а диалектом русского языка. На Украине, как и в Белоруссии, правительством проводилась политика русификации. Шахматов всегда был против этого. Он как никто другой понимал: народ жив, пока хранит свой язык, свои традиции. Но в то же время он считал, что эти народы всегда должны жить в едином государстве. Он говорил «Развитие белорусского и малорусского языков есть для меня общерусское национальное приобретение. Это – одно из прекрасных проявлений русского же разнообразия» [Макаров 2000: 338].

Учёный с интересом относился к научным трудам по украинскому языку. В фонде имеются его отзывы: о Словаре украинского языка, представленном редакцией журнала «Киевская старина» на соискание премии Н. И. Костомарова» [1905]; Отзыв об украинской грамматике А. Е. Крымского (1909); «Несколько слов о новом труде по грамматике украинского языка» (1913).

Сохранились лекции по украинскому языку, прочитанные в кружке украиноведения под руководством Э. А. Вольтера в Петербургском университете в 1908. В них Шахматов призывал украинцев углублять своё национальное самосознание, изучать свой язык и культуру. Из-за таких взглядов во время Первой мировой войны его обвинили в поддержке сепаратизма этих народов и даже предательстве.

В фонде имеется «Краткий очерк истории малорусского (украинского языка)» (1916), написанный для издания «Украинский народ в его прошлом и настоящем», задуманном М.С. Грушевским как украинская энциклопедия.

Сохранилось немного материалов по белорусскому языку: записи текстов, черновики лекций об истории этого языка и начало статьи «Белорусский язык» (дата не указана).

Учёный проявлял большой интерес к мордовскому языку. Ещё в двенадцатилетнем возрасте он прочёл в «Русском вестнике» статью о мордве, с тех пор эта тема увлекла его. Саратовская губерния была в то время многонациональна и многоязыка, здесь мирно

уживались русские, немцы, мордва, эрзя, татары и другие народы. В 1905 г. во время своего обычного летнего пребывания в имении Губаревке на Саратовщине он занялся изучением мордовского языка. Ему помогал в этом местный учитель Р. Ф. Учаев. Сохранились упражнения по изучению языка. Этим же летом с помощью крестьян Саюшкина и И. А. Цыбина Шахматов принялся за исследование двух говоров в мордовских сёлах Оркино и Сухой-Корбулак. В фонде имеются записи мордовских текстов и фольклора, сделанные Шахматовым, черновик статьи о сухокарбулацком говоре, незаконченная статья «Мордовская свадьба», заметка о грамматике мордовского языка. В то же время у учёного возник замысел об издании «Мордовского этнографического сборника», впоследствии вышедшего в свет в 1910 г. Сохранился подготовленный к изданию рукописный экземпляр этого сборника, большая часть которого представляет собой автограф Шахматова. Почерк у него был мелкий и трудночитаемый, остаётся только удивляться, как наборщики осуществляли набор с таких рукописей!

В фонде также имеется большое количество материалов к мордовскому сборнику, собранных теми же Р. Ф. Учаевым и И. А. Цыбиным, а также Т. Е. Завражновым, С. А. Ларионовым, учителем сельской школы с. Оркина Ложкиным, и многими другими добровольными собирателями местных говоров и фольклора. Шахматов умел увлечь и организовать людей на такие масштабные мероприятия.

Сохранились рукописи курсов лекций Шахматова, в основном в Петербургском-Петроградском университете. Исключение представляет курс лекций в Московском университете «Русский язык», который он читал в короткий период его работы приват-доцентом в 1890-1891 учебном году. Большая часть лекций издана литографским способом. В фонде представлены рукописи этих лекций, к некоторым из них приложен литографский экземпляр. Сохранилась также рукопись первой пробной лекции в Московском университете о сочинениях преподобного Нестора, прочитанной им в 1890 г.

В фонде хранятся курсы лекций в столичном университете за 1908-1915 гг.: «Курс истории русского языка», (1908/1909 уч. г.), «Краткий очерк истории русского языка», (1908/1909 уч. г.), «Очерк истории звуков русского языка» (1909/1910 уч. г.), «Русская историческая диалектология» (1910/1911 уч. г.), «Учение о формах» (1910/11 уч. г.), «Очерк современного русского литературного языка» (1911/1912 уч. г.), «Введение в курс истории русского языка» (1914/1915 уч. г.).

Имеются неизданные лекции: «Старославянский язык» (1913/1914 уч. г.), «Несторова летопись» (1913/1914 уч. г.); «Синтаксис русского языка» (1916/1917 уч. г.), «Состав совр[еменного] русского языка» (1910-е), и др.

Каким лектором был учёный? В биографической книге Макарова говорится:

«Шахматов никогда не стремился в своей речи бить на внешний эффект, в ней всегда преобладал вес мысли, а не слова» [Макаров 2000: 350]. На своих лекциях «Алексей Александрович приобщал слушателей к своей творческой работе исследователя. Это научное обаяние и было той притягательной силой, которая влекла молодежь на лекции этого профессора, скромного, не бившего на внешний эффект, незаметно входившего на кафедру, и наполняла целиком одну из словесных аудиторий, которые обычно не особенно богаты слушателями в часы лингвистических занятий» [Голанов И.Г. 1922: 328].

Шахматова интересовала проблема определения древнейшей родины славянства и путей его позднейших передвижений. Сохранились рукописи статей на эту тему, написанных в 1911 г.: «К древнейшим славяно-кельтским отношениям», «Древние ляхские поселения в России», «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях», «Сполы – исконные соседи славян», а также статья «Древнейшие судьбы русского племени», написанная в [1918] году.

В опись входят работы с пометами, сделанными Софьей Алексеевной, «незаконченные и неопубликованные»: «Звуковые особенности памятника XII века Жития Феодосия списания Нестора. По Харатейному списку московского большого Успенского собора...» (1880), Житие Феодосия, рассмотренное по отношению к звуковым особенностям словоизменения и синтаксиса (1881), кандидатская диссертация Шахматова «О долготе ударений в общеславянском языке» (1887), а также работы «Кем и когда был составлен летописный свод «Повесть временных лет» (реферат, читанный в Обществе любителей древней письменности в 1897 г.), «О владимирских летописных сводах домонгольского периода» (1890-е), ряд статей о Еллинском летописце (1890-е), «К хронологии древнеболгарских памятников» (1890-е), О звуковом составе общерусского языка [1890-е], «Разыскания о древнейших летописных сводах» (конспект, план, три главы) (1903-1904), «О государственных задачах русского народа и о разрешении национальных проблем народностей России» [1905], «Начальный свод». Первая глава (1918-1919), «Из прошлого русского племени» [1919], «К вопросу о единстве русского племени» [1919], «Историческая этнография восточной Европы» [1919-1920 гг.], «Исследование о начальном своде» с разделами «Введение», «Анализ отдельных летописных сводов», «Выводы из предыдущего исследования» (1900-е); «Проложная статья о Борисе и Глебе» (1900-е), «Исследование о Несторовой летописи» (дата не указана), «Списки древней летописи» (начало исследования)» (дата не указана).

Сохранились отзывы и рецензии на труды И. М. Белоруссова, Е. Будде, Н. С. Державина, Н. Н. Дурново, Л. Л. Васильева, Н. К. Грунского, Д. К. Зеленина, Е. Ф. Карского, А. Е. Крымского, С. М. Кульбакина, А. В. Михайлова, В. Пархоменко,

В. Н. Перетца, А. Л. Петрова, В. И. Ламанского, Н. П. Лихачёва, М. Д. Приселкова, Е. Р. Романова, С. М. Середонина, А. И. Соболевского, К. Ф. Тиандера, Е. К. Тимченко, И. А. Тихомирова, Трубицына, С. К. Шамбинского, Л. В. Щербы, И. Эндзелина.

В фонде также находится разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной», представленного на соискание награды С. С. Уварова [1898].

Имеется ряд работ о жизни и деятельности учёных. Это очерк жизни и деятельности историка права, публициста, профессора Петербургского университета А. Д. Градовского [1903]. Градовский был тестем учёного, которого в живых Шахматов не застал. Очерк был помещён в 9-м томе собрания сочинений Александра Дмитриевича, издание которого предприняла его вдова, тёща Шахматова Ольга Владимировна. Шахматов же был редактором этого собрания сочинений – в фонде сохранились материалы по его редактированию. Сохранилась также статья «Булич С.К.» для словаря Брокгауза и Ефрона [1911], а также выступления на торжественных заседаниях, посвящённых юбилеям Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, И. В. Ягича; выступления в честь памяти Я. К. Грота (1912), И. И. Срезневского (1913), Ф. Е. Корша (1916), а также вступительные слова и приветствия, посвящённые разным датам жизни и деятельности других учёных. Имеется приветствие Максиму Горькому в связи с его вторичным избранием почётным академиком по разряду изящной словесности в 1917 г.

Некрологи М. И. Сухомлинова (1901), В. Ф. Миллера [1913], К. П. Михайльчука (1914), Ф. Ф. Фортунатова (1914), Перо Будмани (1915), Ф. Е. Корша (1915), С. Новаковича (1915).

В фонде много подготовительных материалов к научным трудам: выписки имён и географических названий из летописей и юридических актов, заметки по разбору графических и фонетических особенностей древнерусских памятников, об ударениях в разных языках, о сличении различных списков летописей, языке грамот; описания летописей и других памятников древнерусской литературы (иногда полистные); выписки из словарей и грамматик славянских языков, из летописей, Хронографа, писцовых книг, купчих и других грамот, греческих хроник, трудов славистов; записи белорусских, сербских текстов и слов и многое другое. Всё это Шахматов записывал в тетради, которых в фонде огромное количество. Тетради разные: и тонкие ученические, и толстые в картонных и клеёчатых обложках. Причём, в одной тетради могли размещаться материалы по самым разнообразным темам. Только обладая такой истинно обширной и безграничной памятью, какая была у Шахматова, можно было в них ориентироваться и находить нужный материал.

В процессе подготовительной работы, кроме тетрадей, Шахматов использовал также карточки. Они в большом объёме представлены в фонде - в конвертах и пакетах. Много

карточек по изучению летописей; имеются карточки для именных и географических указателей к издаваемым летописям, а также библиографические карточки главнейших работ по истории русского языка.

В фонде находятся печатные издания, которыми Шахматов пользовался в своей научной работе: это летописи, изданные Академией наук, Археографической комиссией и отдельными учёными, а также почти все тома Полного собрания русских летописей. Книги изданы в 1790, 1841-1911 гг., в них содержится большое количество помет учёного.

Биографические материалы фонда не отличаются полнотой. Они могли бы быть гораздо богаче, если бы не пожар в семейном гнезде Шахматовых имении Губаревке Саратовской губ., который произошёл в 1918 г. Об этом пишет в своих воспоминаниях старшая сестра Алексея Александровича Е. А. Масальская-Сурина. Она сетовала на скудность и недостаточность материала для написания воспоминаний о брате. В пожаре погибла семейная переписка, серия их с сестрой дневников, в которых на протяжении многих лет сообщались подробности жизни Алексея Александровича. Погибли также семейные портреты и фотографии [Масальская 2012: 9]. Последние, к большому сожалению, полностью отсутствуют в фонде. Не сохранились даже виды дома и парка такого дорогого для учёного места, с которым он был связан в течение всей своей жизни, - имения Губаревки.

Имеются автобиографии учёного [1890–1913], список научных трудов (1913). Сохранился первый «научный труд» десятилетнего Шахматова, написанный в Губаревке под влиянием рассказов дяди Алексея Алексеевича, пробудившего в ребёнке интерес к истории родной страны. Труд в 2-х частях и называется «Русская старина до Ярослава I» (1874). В фонде хранятся также детские тетради с сочинениями, диктовками и грамматическими упражнениями [1875], «филологическими разысканиями», выписками по древней истории России (1876-1879). Имеются перечни книг личной библиотеки А. А. Шахматова (1888–1889), переписка его с попечителем московского учебного округа П. Капнистом в связи с уходом из Московского университета (1891), когда он сделал решительный шаг и оставил должность приват-доцента в университете, так как чувствовал сильную потребность в какой-либо иной деятельности, более живой и близкой к жизни, приносящей пользу соотечественникам.

Несколько лет Шахматов был земским начальником в родных Саратовских краях, своим искренним заинтересованным отношением к крестьянам завоевал у них исключительное доверие, даже любовь, пользовался большим авторитетом. Помогал им и после оставления должности в течение всей своей оставшейся жизни. Сохранились материалы по деятельности в Саратовском земстве за 1891-1894 гг. : записка о необходимости введения начального образования, прошения и письма крестьян, записи расходов по

волостям, по делопроизводству волостных правлений, о попечительстве сельских училищ, отношения саратовской уездной земской управы по разным вопросам, приговоры сельских сходов по случаю оставления Шахматовым должности земского начальника, а также адрес от крестьян в белой бархатной обложке с выражением благодарности за помощь при покупке ими земли у Крестьянского поземельного банка (1898).

Имеются документы о признании научного авторитета учёного: дипломы члена сербской Академии философских наук в Белграде (1904), доктора философии Пражского (1909) и Берлинского (1910) университетов, члена-корреспондента филологического отделения Краковской Академии наук (1910), почетного члена Новороссийского (1915), Казанского (1916) и др. университетов; документы об избрании почётным членом Витебской (1909), Саратовской (1911), Вятской (1912), Нижегородской (1912) и других учёных архивных комиссий; документы об избрании членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1910), Общества исследования Волыни (1911); имеется даже документ об избрании в члены совета Общества попечения о бесприютных детях (1910).

В фонде отложились грамоты о пожаловании орденами Святого Станислава третьей (1893), второй (1896) и первой (1906) степеней, ордена князя Владимира третьей степени (1903), свидетельства от Академии наук и Петербургского университета на право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913). Сохранилось небольшое количество поздравлений в связи с 25-ю годовщиной научной и служебной деятельности: (1913) от Общества «Галицко-русская матица», института «Народный дом» во Львове и служащих отделений БАН; имеется также красиво оформленный солидный адрес от студентов (слушателей-почитателей) Петербургского университета, написанный с большой искренностью и теплотой. В нём говорится, что Шахматов учит любить славянские языки и с ними жизнь славянских народов, вникать в живую душу языка, отмечается гуманность и беспристрастие учёного, а также всегда внимательное и душевное отношение к студентам. [СПФ АРАН Ф. 134. Оп. 1. Д. 401. Л. 2-4] Хранится заметка Шахматова «О смысле жизни» (его предсмертное письмо к дочери Софье Алексеевне) (1920). Сохранились его визитные карточки, записные книжки с записями бытового характера [1895–1918], медная доска с двери его последней квартиры, заявление неперменного секретаря АН в Военно-медицинскую академию о разрешении перевезти тело А. А. Шахматова в его квартиру (1820), некролог А. А. Шахматова, написанный С. Штрайхом (1920), вступительное слово А. А. Грушки на торжественном заседании памяти А. А. Шахматова (1920). Сохранились интересные воспоминания о нём его саратовской знакомой, соседки по имению, подруги его старшей сестры, а затем и жены Натальи Александровны — Елизаветы Алексеевны Ивановой.

Имеется небольшое количество фотографий других лиц: учёных Д. Н. Анучина, Я. И. Смирнова, П. И. Шафарика, Э. Мука, О. И. Брока и др.

Хранятся вырезки из газет, подобранные по интересам учёного, подборка газетных материалов о Ф. Е. Корше.

Документы по деятельности Шахматова в Академии наук: черновик отчёта ОРЯС за 1899 г., документы, напечатанные в протоколах ОРЯС и ОС, в основу которых легли проекты, подготовленные А. А. Шахматовым: об издании собрания сочинений русских писателей (1898), постановление ОС АН о занятии помещений АН войсковыми частями и полицейскими нарядами [1905], «записка АН по вопросу о свободе печати в России» [1905], записка об освобождении Академии наук от новой обязанности давать отзыв о книгах, признанных Комитетом министров вредными [1905], заключение ОРЯС по вопросу о введении латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Российской республики (1919); черновик письма Шахматова к президенту Академии наук Константину Константиновичу в связи с «Запиской 342 учёных» (президент обвинил учёных в том, что они из науки делают орудие политики) (1905), письмо президенту АН с просьбой ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим о мерах охраны учёных учреждений Галиции в течение военного времени, инструкция, выработанная Комиссией по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий для уполномоченного Академией лица, в основу которой легла записка Шахматова [1914], повестки на заседания ОС, ОРЯС и др.

Небольшое количество документов по деятельности в Библиотеке Академии наук, среди них записка директора 1-го отделения Библиотеки о реорганизации управления Библиотекой [1917].

В фонде отложились документы по редактированию академического словаря русского языка. На посту редактора учёный сменил умершего в 1893 г. Я. К. Грота. Шахматов сразу после избрания в состав ОРЯС убеждает членов Отделения в необходимости полного изменения программы Словаря. Он считает, что Словарь не может оставаться словарём писателей, он должен отразить всё богатство русского языка и прежде всего его основу – народную речь. Он составляет специальные программы-вопросники для северорусского и южнорусского наречий, которые хранятся в фонде. Эти программы рассылаются учителям сельских училищ и школ по всей России. В фонде имеются присланные с мест ответы на эти программы-вопросники с пометами Шахматова, А.С. Будиловича, Ф.Е. Корша, А.Е. Крымского, Б.М. Ляпунова, В.Ф. Миллера и др.

Отложились также и другие документы: записка об издании Словаря с программой словарных работ, черновики записок, отчётов, предисловий к очередным томам; черновик

образца словаря на слова жить, жизнь и живой; слова от Е до З с примерами; списки писателей, произведения которых должны использоваться для составления словаря; разнесённый по словам памятник древнерусской литературы «Житие Феодосия»; переписка с типографией и др.

Когда в 1897 г. вышел первый выпуск Словаря под редакцией Шахматова, И. В. Ягич, отдав должное титаническому труду молодого учёного, забеспокоился о его здоровье. Игнатия Викентьевича поразила объём проделанной Шахматовым работы. В письме к нему от 18 мая 1898 г. он писал: «... удивляюсь Вашей энергии, но и боюсь за Вас, Вы слишком напрягаете свои молодые силы» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 124].

Имеются документы о предварительном съезде русских филологов: доклад Шахматова об издании энциклопедии по славяноведению, проект издания общеславянской энциклопедии; список участников съезда с пометами Шахматова, программа съезда, корректура книги о съезде с исправлениями Шахматова, описание съезда рукой его жены Натальи Александровны и др. (1903).

Имеются документы по организации первого несостоявшегося съезда славянских филологов и историков: об избрании Шахматова в организационный комитет, черновик декларации о съезде, написанный Шахматовым, список приглашённых лиц и учреждений и др. (1903-1904).

Документы по деятельности в Петербургском университете представлены в основном ходатайствами за студентов и профессоров: заявление в Совет университета о необходимости ходатайствовать перед Временным правительством об отмене постановления об увольнении от должности профессоров, назначенных после принятия правительственного указа 27 августа 1905 г. об автономии высших учебных заведений [1905], черновик обращения к начальнику главного тюремного управления С. С. Хрулеву с просьбой о разрешении заключенному за участие в беспорядках студенту (в будущем известному пушкиноведу) П. Е. Щеголеву получать в камеру книги для научной работы (1909), заявление в совет Петербургского университета с протестом против репрессивных мер в связи со студенческими волнениями 1911 г., черновик обращения Совета Петербургского университета к министру народного просвещения Л.А. Кассо, составленный А. А. Шахматовым, по поводу перевода, как неблагонадёжных, профессоров права М. Я. Пергамента и И.А. Покровского в другие университеты [1912], ходатайство перед историко-филологическим факультетом университета о предоставлении стипендии С.П. Обнорскому для подготовки к магистерскому экзамену [1910-е], имеются также повестки и извещения на заседания историко-филологического факультета, различных обществ и кружков при университете.

В фонде представлены материалы по делу профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ в связи с осуждением его на заключение в крепость за издание в 1913 г. брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии»: черновик ходатайства А. А. Шахматова за освобождение учёного, составленные также А.А. Шахматовым ходатайства от Петербургского университета и ОРЯС Академии наук, черновик письма к президенту АН вел. кн. Константину Константиновичу, выписки из брошюры Бодуэна де Куртенэ и др. (1914).

Отложились документы по деятельности в Русском географическом обществе (1899–1920), Археографической комиссии (1900–1917), Обществе любителей древней письменности (1897–1918), Книжной палате (1917) и др.

Шахматов никогда не стремился участвовать в политической жизни страны, считая, что такое участие будет отвлекать его от научных занятий. Но бурные революционные события 1905-1907 гг. не могли оставить его в стороне.

В фонде сохранились документы по его деятельности в кадетской партии (партии народной свободы): записки о политических забастовках октября–декабря 1905 г., свободе печати, черновики писем и заявлений в ЦК партии, повестки, извещения, воззвания и др. (1905–1907, 1917).

Имеются документы по деятельности в Государственной Думе и Государственном совете: членский билет, тексты выступлений по вопросу об амнистии, отмене смертной казни, повестки, приглашения, объявления и др. (1906–1909).

Шахматов проявлял интерес к проблемам образования. В фонде отложились документы по этому вопросу: записка в учёный комитет Министерства народного просвещения о реформе среднего и высшего преподавания [1899], доклад на I съезде преподавателей русского языка в средних учебных заведениях «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» (1903), набросок замечаний к учебному плану преподавания истории русской литературы в военных училищах [1907], записка о преподавании русского языка в средних учебных заведениях с предложением о введении в курс 7-го класса предмета «Краткий очерк истории русского языка» [1907-1908] и др.

Сохранились документы по участию в реформе по упрощению русского правописания (реформе русской орфографии): записка о работе Совещания по упрощению правописания, прочитанная на Общем собрании АН в 1917 г. Имеются черновики заметок и писем Шахматова к К. Я. Гроту и секретарю Государственной Думы М. В. Челнокову по этому вопросу (1904-1907) и др.

В фонде отложились письма Шахматова к разным лицам за 1894–1920. В основном это черновики, но имеются и подлинники, переданные в Архив после смерти учёного самими адресатами или их родственниками.

Имеются письма к В. Р. Барановскому, В. А. Богородицкому, И. А. Бодуэну де Куртенэ, Е. Ф. Будде, А. Н. Веселовскому, Э. А. Вольтеру, М. Горькому, М. Г. Долобко, В. М. Истрину, Н. П. Кондакову, А. Ф. Кони, Ф. Е. Коршу, Н. Я. Марру, Ф. Ф. Мартенсу, Е. А. Масальской-Суриной, В. Ф. Миллеру, Б. Л. Модзалевскому, П. В. Никитину, С. Ф. Ольденбургу, В. А. Пархоменко, Н. М. Петровскому, А. Е. Преснякову, С. П. Розанову, П. К. Симони, В. И. Срезневскому, А. И. Томсону, В. И. Чернышёву, П. В. Шейну, И. М. Эндзелину, И. В. Ягичу и др. Здесь же письмо В. Н. Перетца А. Н. Веселовскому.

Сохранилось огромное количество (около 17 тысяч) писем разных лиц к А. А. Шахматову за 1874–1920 гг.

Среди корреспондентов – Д. И. Абрамович, В. П. Адрианова, М. К. Азадовский, Д. В. Айналов, Н. Н. Аленников, И. Ф. Анненский, Д. Н. Анучин, Ф. Д. Батюшков, А. М. Башова, П. В. Безобразов, В. Н. Бенешевич, Л. С. Берг, Л. В. Бианки, Н. А. Бобровников, В. Г. Богораз (Тан), В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Д. Бонч-Бруевич, С. Г. Бородинец, А. К. Бороздин, Р. Ф. Брандт, Ф. А. Браун, С. Н. Браиловский, О. И. Брок, В. Я. Брюсов, Д. В. Бубрих, С. А. Богуславский, Е. Ф. Будде, А. С. Будилович, В. А. Бузескул, С. К. Булич, С. А. Бурмистров, В. В. Буш, М. Ф. Быстров, А. Ф. Бычков, М. Л. Васильева, Н. Е. Васильев, С. А. Венгеров, В. И. Вернадский, А. А. Веселовский, А. Н. Веселовский, К. С. Веселовский, Н. Н. Виноградов, Ф. А. Витберг, В. А. Водарский, Ф. К. Волков, Э. А. Вольтер, С. Г. Вязовский, П. А. Гильтебрандт, Б. Б. Голицын, П. В. Голубовский, М. Горький, Н. Д. Градовский, А. Н. Грандильевский, И. М. Гревс, А. Д. Григорьев, К. Я. Грот, М. С. Грушевский, Н. С. Державин, П. А. Дилакторский, В. Н. Добровольский, О. Т. Домашнева, А. И. Доронин, П. Д. Драганов, В. Г. Дружинин, Н. Ф. Дубровин, Н. Н. Дурново, П. М. Евдокимов, М. Е. Евсеев, И. Е. Евсеев, С. А. Еремин, С. А. Жебелёв, А. В. Жиркевич, П. А. Заболотский, К. Г. Залеманн, В. В. Заленский, И. И. Замотин, Д. К. Зеленин, Ф. Ф. Зелинский, И. Зилинский, Н. Ф. Златорунский, П. А. Иваницкая, Н. А. Иваницкий, Е. А. Иванова, В. Ивановский, В. С. Иконников, Я. В. Илляшевич, Г. А. Ильинский, К. К. Истомина, Е. С. Истрина, В. М. Истрин, И. М. Калинин, В. В. Каллаш, И. Калленбах, И. Ф. Калинин, В. А. Каминский, Н. И. Кареев, Н. М. Каринский, А. П. Карпинский, Е. Ф. Карский, Н. П. Кашин, Т. Ф. Киевщинская, Б. Китерман, Ю. И. Клецанда, М. Ковалевский, М. О. Коген, Н. К. Козмин, П. К. Коковцов, Н. П. Кондаков, А. Ф. Кони, вел. кн. Константин Константинович, Ф. Е. Корш, Н. А. Котляревский, Р. И. Кошутич, Р. И. Кошутич, И. Ю. Крачковский, Е. Ф. Кречетович (урожд. Корш),

Н. Кропоткин, А. А. Круазе ван дер Коп, А. В. Крубер, А. О. Круглый, А. Е. Крымский, И. А. Кубасов, Н. Д. Кузнецов, С. М. Кульбакин, П. А. Лавров, В. В. Ламанский, А. Б. Ламбина, А. С. Лаппо–Данилевский, В. В. Латышев, А. Лебедев, М. К. Лемке, Н. О. Лернер, П. Ф. Лесгафт, Е. Э. Линева, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачев, М. Ф. Лободовский, Б. М. Ляпунов, А. А. Лященко, В. А. Ляцкая, Е. А. Ляцкий, В. В. Майков, И. Е. Мандельштам, А. В. Марков, Н. Я. Марр, Ф. Ф. Мартенс, Е. А. Масальская-Сурина (урожденная Шахматова), П. Л. Маштаков, И. Ю. Миккола, Н. А. Милицын, В. Ф. Миллер, П. Н. Милуков, А. Н. Минх, Н. Н. Минх, А. В. Михайлов, Б. Л. Модзалевский, Э. Ю. Мука, М. Мурко, Ф. Мэнчик, В. Д. Набоков, Н. П. Некрасов, П. В. Никитин, Н. К. Никольский, С. П. Обнорский, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. Д. Орлов, К. П. Павлинов, И. С. Пальмов, В. А. Пархоменко, Э. К. Пекарский, В. Н. Перетц, Е. Ю. Перфецкий, А. Л. Петров, Н. М. Петровский, Е. В. Петухов, А. М. Пешковский, Н. К. Пиксанов, С. Ф. Платонов, Н. Плевако, К. П. Победоносцев, А. Л. Погодин, И. П. Поддубный, П. П. Подъяпольский, Ф. И. Покровский, И. В. Помяловский, С. И. Пономарев, В. М. Попов, А. Г. Преображенский, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, М. М. Пришвин, С. Л. Пташицкий, В. М. Пуришкевич, А. Н. Пыпин, В. В. Радлов, Э. Л. Радлов, В. И. Резанов, И. Е. Репин, П. А. Ровинский, А. М. Рогозинский, С. П. Розанов, Е. Р. Романов, М. И. Ростовцев, А. Д. Руднев, С. Г. Сватиков, И. С. Свенцицкий, С. Н. Северьянов, А. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. А. Сербов, Ю. Сибирцев, П. К. Симони, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, В. И. Срезневский, В. В. Стасов, П. Н. Столпянский, В. Н. Строев, М. И. Сухомлинов, П. А. Сырку, В. И. Тростянский, Б. А. Тураев, гр. П. С. Уварова, Г. К. Ульянов, Ф. И. Успенский, Э. Э. Ухтомский, А. С. Фаминцын, Н. Фирсов, Т. Д. Флоринский, А. Г. Фомин, Ф. Ф. Фортунатов, И. В. Цветаев, С. К. Шамбинаго, В. А. Шахматов, П. В. Шейн, С. Д. Шереметев, Е. П. Шереметева, Н. Шляков, В. Ф. Шишмарёв, С. В. Штейн, П. Е. Щеголев, В. Н. Щепкин, Л. В. Щерба, Н. М. Элиаш, И. В. Ягич, В. Е. Якушкин, Н. А. Янчук, Н. В. Ястребов, А. И. Яцимирский и др.

В фонде отложилась семейная переписка родственников и предков учёного за 1835-1916 гг.

Имеются рукописи трудов других учёных и лиц, входивших в научное общение с А. А. Шахматовым. Большое количество выписок из исторических источников, записи образцов фольклора народов Российской империи, материалы по этнографии этих народов, записанные большей частью неустановленными лицами. Имеются также работы М. Аплетина, С. Бородинца, С. Н. Браиловского, В. М. Васильева, А. Н. Веселовского, Н. Виноградова, П. Девишина, В. Н. Добровольского, Н. Н. Дурново, Д. К. Зеленина, В. Качановского, Н. Ю. Крижанича, М. И. Мочалова, А. Л. Погодина, Ф. И. Покровского,

П. А. Ровинского, К. К. Романова (К.Р.), А. А. Семенова, В. П. Семенова-Тян-Шанского,
П. К. Симони, П. Сырку, В. Г. Богораза (Тана), А. Фаминцына, В. И. Чернышёва,
И. Яблонского, Р. О. Якобсона, А. Ястребова и др.

5 Архивные материалы по главному зданию Академии наук в Санкт-Петербурге

Правительствующий Сенат 22 января 1724 г. обсуждал на своем заседании проект создания Академии наук в столичном городе Санкт-Петербурге. Повеление «учинить Академию» было дано самим императором. Уже через шесть дней, 28 января, был издан сенатский указ об учреждении Академии и финансировании ее содержания из казны [1, с. 11-12].

Проект создания «Академии художеств и наук» был составлен, по поручению Петра I, лейб-медиком Лаврентием Блюментростом и отредактирован самим Петром. Первым параграфом документа объявлялось, что Академия – учреждение «через которое бы не токмо слава сего государства для розмножения наук нынешнем временем разпространилась, но и чрез обучение и розпложение оных польза в народе впредь была» [2, с. 48].

Таким образом, в создании Академии наук Петр видел прежде всего источник «славы», престижа для государства, а затем – практическую пользу наук.

Источник финансирования Академии был определен в указе Сената: «таможенные и лицензные» сборы с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга. Сумму, изначально определенную на содержание Академии в 20 тысяч рублей в год, император увеличил, начертав собственноручно «24912 рублей».

После решения вопроса с финансированием, встала проблема со зданием для будущей Академии. Всем было ясно, что для учреждения такого статуса, как Императорская Академия наук, нужен дворец, причем дворец парадный и престижный, в центре города. По замыслу Петра, центр столицы должен был разместиться на Стрелке Васильевского острова. План планировки застройки этой части острова, разработанный архитектором Доменико Трезини, уже был утвержден императором. На самой Стрелке находился главный петербургский порт, набережную Малой Невы украшали дворцы вельмож – Строгановых, Демидовых, Нарышкиных, Лопухиных. На набережной Большой Невы строилось здание Кунсткамеры (для музея и библиотеки), далее к порту, напротив Зимнего дворца, высился Дворец царицы Прасковьи Федоровны, построенный в 1718–1722 гг.

Царица Прасковья Федоровна была женой брата Петра I, Ивана Алексеевича. Петр I относился к ней с большой симпатией, настоял на ее переезде в новую столицу, где выделил весьма престижный участок и позаботился о строительстве подобающего дворца. Поставленный на повороте Невы в сторону Петропавловской крепости двухэтажный

каменный, на высоком цокольном этаже дворец смотрелся парадно и пышно. В центральном, преобладающем по объему, ризалите дворца был устроен парадный вход. Каждый из двух боковых ризалитов имел двухвходное крыльцо, ведущее в бельэтаж. Высокие прямоугольные окна имели характерную для петровского времени мелкую расстекловку и завершались полуциркульными фронтонами. Между этажами и между окнами проходили декоративные тяги, углы здания и ризалитов были обработаны горизонтальным рустом. Дворец запечатлен на знаменитых гравюрах М.И. Махаева (1753 г.) Именно этот дворец (Прасковья Федоровна скончалась в 1723 г.) Петр I и решил предоставить Академии.

Надо отметить, что к этому времени парадная часть Васильевского острова, ранее находившаяся в собственности генерал-губернатора Петербурга князя Александра Даниловича Меншикова, уже была переведена в казну, так что и Кунсткамера, и дворец для Академии наук стояли на государственной земле [3, с. 93]. Сразу разместить Академию в бывшем дворце царицы было невозможно: здание требовало ремонта и перестройки для новых целей.

Временно для Академии было подобрано другое здание, разумеется – дворец. Поскольку свободных, достаточно парадных и вместительных в городе не было, император повелел освободить бывший дворец опального вице-канцлера, барона Петра Павловича Шафирова (конфискован у него в казну в 1723 г). Он находился на набережной Городского (Березового, Петербургского) острова, по соседству с домом самого Петра I (на месте нынешнего Представительства Президента Российской Федерации). Каменный дом, построенный в 1713 г., отличался богатством внутреннего убранства, выполненном отцом и сыном Растрелли, и считался одним из лучших дворцов тогдашнего Петербурга.

После кончины Петра I императрица Екатерина не менее внимательно относилась к устройству Академии. 30 апреля 1725 г. Блюментрост обратился к ней с просьбой «дом господина барона Шафирова ... опростать и, как надлежит, починить»[4, с. 107]. Уже 4 мая кабинет-секретарь императрицы Алексей Макаров отправляет в Канцелярию от строений Санкт-Петербурга письмо с требованием дом Шафирова приготовить для Академии «во всякой чистоте»; если в нем «где попорчено – тут немедленно починить», и если прежние «стояльцы» дома «оного не очистят, о таких ослушниках донести в Правительствующий Сенат»[4, с. 110].

Большой парадный зал дворца приготовили для заседаний Академии, в «палатах» поменьше (их было более двадцати) поселились холостые профессора, для семейных были

наняты отдельные квартиры [5, с. 210; 6, с. 80]. Но дом вскоре оказался тесен, и Академия заняла стоявшие рядом дома, изначально построенные ближайшими сподвижниками Петра – «князем-папой» Н.М. Зотовым и князем М.П. Гагариным; затем были наняты дома генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина и кригсцольмейстера М.М. Самарина. В результате на Петербургском острове образовался целый академический городок. Для связи с другими частями города, особенно с Кунсткамерой и библиотекой, для Академии в апреле 1725 г. был куплен четырехвесельный ялбот и наняты 4 гребца, которым за счет Академии были сшиты специальные мундиры [4, с. 105-106].

Первое торжественное заседание Академии состоялось 27 декабря, в парадном зале Шафировского дворца. Академики сидели за столом в центре зала, вокруг – весь Сенат, Синод, генералитет, иностранные послы и другие почетные гости, около 400 человек. Мероприятие было торжественным и пышным. Академия наук начала свою историю.

Размещение Академии на Петербургском острове воспринималось как временное. Ее, вместе с Университетом и Гимназией, по-прежнему планировалось разместить на стрелке Васильевского острова, вместе с библиотекой и Кунсткамерой, рядом со зданием Государственных коллегий.

Реконструкция дворца царицы Прасковьи Федоровны была поручена архитектору Гаэтано Киавери, финансирование шло из казны. В центре второго этажа дворца большая квадратная зала была приспособлена под Конференц-зал. Позади него разместился Географический департамент и Архив. В западном крыле находились Физический кабинет и помещения для лекций профессоров, в восточном – комнаты для художников и граверов. В нижнем этаже разместились книжная лавка, типография, словолитня, токарные и инструментальные мастерские [7, с. 211].

Переезд Академии на Васильевский остров состоялся в 1727 г. Тогда же в еще недостроенное здание Кунсткамеры перевели петровскую коллекцию раритетов, основу первого в стране естественнонаучного музея, и библиотеку. Таким образом, осуществился замысел Петра I: в одном месте, в центре столицы, были сосредоточены наука, культура, образование и власть.

Императорская Академия наук не подчинялась ни Синоду, ни даже Сенату, а только непосредственно императору «яко протектору своему», но при этом «должна сама себя править», избирая из своих рядов президента [2, с. 55]. Финансироваться она должна была

полностью из казны, причем в достаточном количестве, чтобы не возникло у ученых людей охоты «в службе чужого государя то прожить, что он в своем отечестве имеет» [2, с. 56].

В те времена «многие государственные люди понимали сущность Академии и оказывали ей помощь», – такой вывод на анализе многочисленных источников сделала Ю.Х. Копелевич, одна из самых известных историков Академии наук XVIII века. «Можно сказать, что Петербургская академия наук в то время была единственным учреждением, где исследовательская работа стала профессией, полностью обеспечивавшей средства к существованию», – продолжает Ю.Х. Копелевич и приводит для сравнения Парижскую академию, единственную из европейских, где труд ученых оплачивался; но там академик после многих лет бесплатной службы получал 800 ливров (примерно 200 руб.), то есть примерно половину минимального жалованья профессора Петербургской академии [5, с. 209].

Другим важным отличием Академии наук в Петербурге была ее светскость. Петр I не желал ставить новую Академию в зависимость от религии, как это было с Московской и Киевской славяно-греко-латинскими академиями. Теологический факультет, неотъемлемая составная часть всех западных научно-образовательных учреждений, в Петербургской академии отсутствовал. Предусматривались три класса специальностей: математические, физические и гуманитарные. При соблюдении внешней обрядности (наличие домового церкви и молебны в соответствующих случаях). Церковь в научно-образовательный процесс не допускалась.

Пятидесятилетний юбилей Академия наук праздновала 29 декабря 1776 г., во дворце Прасковьи Федоровны. Здание ветшало и, кроме того, уже было тесно для деятельности Академии, постоянно расширяющейся. Это особенно почувствовалось при праздновании юбилея.

Академия наук, «первенствующее ученое сословие России», должно было иметь собственное здание, «приличествующее престижу учреждения, олицетворявшего русскую науку и культуру» [8, с. 109].

Сохранился документ 1783 г., где новый директор Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова, «видя необходимую надобность построить при Академии новый корпус» [9], обратилась к Екатерине II с просьбой выделить Академии дополнительное финансирование на строительство здания. Замысел строительства, скорее всего, принадлежал самой императрице; это было очень важно для утверждения ее престижа просвещенной

монархини. Уже к осени 1783 г. деньги были выделены и определено место для строительства: между Кунсткамерой и Коллегиями, на набережной Большой Невы (на некоторых планах города второй половины XVIII века этот участок именовался «Академической улицей»).

Процесс постройки здания позволяют в деталях проследить архивные документы. Они собраны в отдельное, весьма объемное (437 листов) дело и находятся в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в фонде Канцелярии АН (дело № 771).

Из них мы знаем, что «свайная бойка» активно шла зимой 1783–1784 гг., в неделю забивали около 70 трёхаршинных свай; к лету 1784 г. свай было забито 400. а к маю 1785 г. – еще 775, «под колонны и вдобавок в простенки». Подрядчик на постройку цоколя здания обязался, по договору, сделать его из «самого крепкого дикого морского одноцветного камня»; камень должен быть «обтёсан кюрною работою, всего 180 квадратных сажен». Для ступеней лестниц, внутренних и внешних, подрядчиков обязывали брать «путиловский камень самый хороший и твердый»; колонны, капители, карнизы и «модолионы» изготовить из «пудовского самого твердого камня, самую чистую и прочную архитектурную работою». Деревянные детали должны быть сделаны «самою чистую работою из самого здорового и сухого соснового дерева, исключая сини́н и сучьев, засколов и прочей худобы». Кирпич использовался четырех сортов: «железный, красный, алый и белый», каждый – определенной «доброты и меры», в соответствии с данными подрядчику образцами. В сентябре 1787 г. заключается договор на остекление: «в средний и верхний этажи <...> самые чистые белые бемские, большие и малые стекла».

В мае 1788 г. следует договор на кровельные работы: «на академическом новом строении <...> кровлю исправить самую прочною работою». 10 августа работа была закончена. Тогда же устанавливали печи («израсчатые голанские» и русские), камины, велась внутренняя отделка помещений.

К концу 1789 г. работы были завершены. Строгое трехэтажное здание на высоком гранитном цоколе с восьмиколонным портиком и высоким фронтоном встало на набережной Большой Невы.

Архитектором его был Джакомо Кваренги, приехавший в 1780 г. из Италии по приглашению Екатерины II. Построенное в стиле строгого классицизма, здание неоднозначно воспринималось петербуржцами, привыкшими к пышному барокко. Е. Р. Дашкова, недовольная строгим аскетизмом декора, неоднократно вмешивалась в работу архитектора,

требуя придать зданию нарядности. Кваренги, угрожая разорвать контракт, отстоял внешний вид здания. С изменениями во внутренней планировкой Кваренги пришлось смириться. Симметрия внутренних помещений, свойственная работам Кваренги, была нарушена.

Впервые, в виде виньетки, изображение этого здания появилось на титульном листе основного периодического издания Академии «Новые акты» в 1788 г. В пояснении к виньетке говорится: «Архитектура его, как это видно, проста и благородна. Главный фасад, обращенный к Адмиралтейству, украшенный восемью колоннами ионического ордера, может служить образцом хорошего вкуса».

По свидетельству историка города И. Георги, в 1794 г. карниз над входом с Невы был «украшен Российским орлом, а по другой стороне, что к пакгаузу, есть надпись: Щедротою ЕКАТЕРИНЫ II. 1787» [10, с. 126].

Судя по сохранившимся чертежам Кваренги, над фронтоном должны были возвышаться три статуи, но эта часть проекта не была осуществлена.

Здание было поставлено на самом берегу Невы, набережной тогда не имелось. Поэтому лестницу, ведущую на второй этаж, Кваренги развернул по фасаду на два входа. Между колоннами портика и на спусках лестницы шла деревянная балюстрада, сделанная по рисунку Кваренги. В 1881 г. она была заменена металлической решеткой. Вход в цокольный этаж (в центре под портиком) в 1870 г. замуровали [11, с. 101]. Аналогичный вход со двора существует.

Парадная лестница, ведущая из вестибюля второго этажа на третий, отсутствует в проекте Кваренги, поскольку главный конференц-зал он планировал устроить на втором этаже, с входом из вестибюля. Двухмаршевые лестницы, связывающие все три этажа, должны были располагаться ближе к угловым ризалитам.

В академическом архиве сохранился договор от 5 августа 1788 г., по которому подрядчик Семен Шестерин обязывался «парадную лестницу переделать, по плану и рисунку, самую прочною работою, и непременно отделать к 1-му числу будущего сентября месяца» [12].

В настоящее время трудно представить себе вестибюль Главного здания Академии наук без этой торжественной лестницы с ее белыми перилами и красной ковровой дорожкой. На третьем этаже она упирается в стену, всю площадь которой занимает мозаика Михаила Васильевича Ломоносова «Полтавская баталия».

В 1758 г. М.В. Ломоносов участвовал в конкурсе на проект монумента Петру I в Петропавловском соборе. Сенат выбрал проект Ломоносова. Уникальное произведение монументальной настенной мозаики, предназначенное для оформления гробницы Петра в Петропавловском соборе, было выполнено под руководством Ломоносова в 1762–1764 гг. Размер мозаики 4,81×6,44 м (более 30 кв. метров). Мозаика набрана на медной «сковороде» весом более 80 пудов и скреплена железными полосами весом более 50 пудов. Общий вес этого грандиозного художественного произведения около 8 тонн.

Картина состоит из более чем миллиона кусочков смальты. Автором картона был живописец К.Л. Христинек, который известен в истории искусства как плодовитый и модный портретист, а для «Полтавы» было необходимо исполнить ряд портретных изображений: помимо Петра I, изображены А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев и М.М. Голицын, «коих портреты взяты с имеющихся оригиналов». Фрагменты картины с портретами набирали самые опытные мастера мозаичисты М.В. Васильев и Е.Т. Мельников.

Приведем описание сюжета мозаики, составленное самим М. В. Ломоносовым.

«1. Наперед изображен Петр Великий на могучей лошади верхом, лицом в половину профиля, облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица блаженной памяти Великого Государя, каков есть восковой портрет в Кунсткамере, а красками писан с лутчих портретов, каковы нашлись в Санкт-Петербурге, по выбору, величиною сидящий в сажень, а прочие по пропорции.

2. За Государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын, коих портреты взяты с имеющихся оригиналов.

3. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению, при наклонении в бегство Карла Второгонадесять, наперед и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятеля.

4. Близо впереди гренодер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на Монарха, якобы негодуя, что так далече отваживается.

5. Позади лежит куча разных опровержений: шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед; изображаются тем следы мертвого неприятеля.

6. Далее в картине, за следующими генералами видны штандарты, трампеты и литавришки, также и знамена полков российских.

7. Далее от переду, в середине картины изображены поверженные неприятельские трупы, обороняющиеся еще от наступающих россиян шведы, где сильная и густая стрельба

производит великий дым, причем видны взятые в начале сражения шведами редуты с российскими и шведскими телами.

8. Еще подалее от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают, дряхлого и унылого, окружившие Российские солдаты.

9. В некотором отдалении изображен Карл Второйнадесять, в простой коляске, кругом его трабанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спастись бегством, но он, протягивая пистолет рукою вперед, еще к бою порывается; перед ним жестокое сражение Россиян со шведскими трабантами.

10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы.

11. По правую руку бегущие шведские полки и гонящие россияне, а по левую ретраншамент российский и выступившие из него полки, не бывшие еще в сражении.

12. Над картиною св. апостол Павел у писчего стола, в одной руке с пером, а другою рукою и лицом оказывает знак благоговения и благодарения; под ним, на металлическом убрусе, написаны слова его из послания, читающегося на Полтавскую победу: «Бог по нас, кто на ны?».

Законченная в 1764 г. (за год до смерти М.В. Ломоносова), мозаика полтора века практически находилась в забвении, хранилась в запасниках и коридорах разных учреждений [13]. При подготовке 200-летнего юбилея Академии наук в 1925 г. было принято решение разместить ее в Главном здании Академии наук. Разрезанную на девять частей мозаику перенесли на Университетскую набережную из последнего ее пристанища, здания бывшего Общества поощрения художеств (ул. Большая Морская, дом 8).

Отреставрированная «Полтавская баталия» наконец нашла свое постоянное место на верхней площадке парадной лестницы Главного здания Академии наук.

В XX веке мозаика счастливо избежала опасности, грозившей и ей, и всему городу на Неве. Во время Великой Отечественной войны эвакуировать ее, как другие произведения искусства, было невозможно. Сотрудники Академии наук постарались максимально обезопасить творение Ломоносова. Директор академического Архива Г.А. Князев, очевидец событий, так вспоминал об этом в 1944 г.:

«Три года тому назад, в тревожные осенние дни, когда с вражеских самолетов сбрасывались на Ленинград фугасные и зажигательные бомбы, в главном здании Академии наук на набережной Невы спешно принимались меры к укрытию замечательного памятника русского искусства и техники XVIII века, мозаичной картины М. В. Ломоносова «Полтавская

баталия”. На верхней площадке грандиозной лестницы академического здания, где помещается мозаика, была возведена в виде футляра каменная стена с утолщением книзу для большей устойчивости. Между картиной и кирпичом была проложена мягкая прокладка из материи и пергамина. В оставшееся небольшое пространство между каменной кладкой и пергамином был насыпан слой сухого песка. В таком виде картина и сохранялась в течение минувших трех лет» [14].

Осенью 1944 г. мозаика была открыта и с тех пор доступна обозрению.

В XIX веке внешний вид здания Академии наук остался без изменений, хотя попытка была, и достаточно серьезная. Известный архитектор А. Д. Захаров в 1803–1805 г. составлял проект соединения в одной целое академических зданий на Университетской набережной (дворца Прасковьи Федоровны, Кунсткамеры и Главного здания Академии наук). Предполагалось увеличить количество флигелей и их этажность, соединить все здания переходами и колоннадами, получив в результате «ансамбль не только обширный, но и величественный». Трудно представить себе такие разные по архитектурному стилю здания, соединенные переходами и колоннадами. Захаров это тоже понимал, поэтому предусматривал изменение главных фасадов дворца Прасковьи Федоровны и Кунсткамеры. Его проект был даже утвержден, но, к счастью, не осуществлен.

В 1826–1831 гг. рядом с Главным зданием Академии наук архитектором И. Ф. Лукини был построен «Музеум» – двухэтажное, в виде буквы «П» здание для академических музеев. Во флигеле разместились Зоологический и Азиатский музеи, Минералогический и Ботанический кабинеты, Химическая лаборатория, академическая типография, книжная лавка.

Постройка этого флигеля, симметричного Новобиржевому гостиному двору, завершила архитектурное оформление огромной площади, тогда называвшейся Коллежской.

Флигель и в настоящее время принадлежит Академии наук. В нем находятся Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники, Кафедра иностранных языков, издательство «Наука», магазин «Академкнига», хранилища академического Архива и поликлиника.

100-летие со дня своего основания Императорская Академия наук праздновала в новом здании. Для организации юбилея был учрежден специальный Комитет, который уже в августе 1826 г. представил академической Конференции программу мероприятий.

Внутренняя отделка Большого Конференц-зала была к юбилею завершена, зал был украшен цветами и портретами.

29 декабря к полудню в Академию наук прибыл император Николай, императрицы Александра Федоровна и Мария Федоровна, цесаревич Александр и великий князь Михаил Павлович с супругой. Представители Академии и министр народного просвещения встречали их на крыльце академического здания.

Большой Конференц-зал заполнили члены Государственного Совета, высшего генералитета и дипломатического корпуса. Присутствовали министры, сенаторы, руководители учебных заведений, духовенство. Между иностранными гостями главное место занимал король Пруссии.

Приведем выдержку из описания мероприятия, опубликованного в газете «Северная пчела»:

«Пред бюстом Петра I возвышалась кафедра; по обеим сторонам оной за полукруглым столом были места Академиков; в нескольких шагах лицом к бюсту – ряд кресел для Высочайшей Императорской Фамилии; по левую сторону вдоль стены – места для Почетных членов, по правую – для многочисленного Дипломатического сословия. Далее находились места для прочих посетителей» [15, с. 1].

Открыл заседание президент Академии, граф С.С. Уваров речью на русском языке. Журналист «Северной пчелы» определил его речь как «умственный, духовный отчет в трудах и успехах Академии, выражение ее воспоминаний, надежд, желаний и ожиданий» [15, с. 1].

Затем выступил Непременный секретарь Академии П. Фус, с речью на французском языке «о главнейших подвигах Академии и членов ее, по каждой науке в особенности, исчислением сделанных ими открытий и изданных книг» [15, с. 1]. В конце речи П. Фус воздал должное всем членам Академии, погибшим во имя науки в академических экспедициях.

После речи Фуса императору была преподнесена юбилейная медаль, «вырезанная к незабвенному воспоминанию о сем торжестве, по изобретению г. академика Келера, известным художником графом Федором Петровичем Толстым» [16, с. 18].

Далее П. Фус прочел, на русском языке, программы конкурсных задач, предложенных к юбилею. Важной частью мероприятия стало «провозглашение избранных к юбилею Академии почетных членов и корреспондентов». Звание почетных членов приняли, вслед за императором Николаем I, наследник цесаревич и великие князья Константин Павлович и

Михаил Павлович, а также прусский король Фридрих-Вильгельм. Кроме них были избраны еще 29 почетных членов и 23 члена-корреспондента. Среди них: историки В.Г. Васильевский и Н.И. Костомаров, литературовед А.Н. Веселовский, физик Р.Э. Ленц, химики Д.И. Менделеев и Г.В. Струве.

Историк М.И. Сухомлинов особо отмечает, что «по окончании акта Высочайшие особы более часа оставались в Академии, рассматривая академические издания и беседуя с академиками» [16, с. 20].

200-летний юбилей Академия наук встречала после Октябрьской революции. Она перестала быть «императорской», но субсидировалась из государственного бюджета. Советское правительство решило сделать юбилей не внутри академическим праздником, а торжеством всей страны с выходом на международную арену.

В начале 1923 г. была создана специальная юбилейная комиссия во главе с президентом Академии А. П. Карпинским. Подготовку начали с ремонта академических зданий и закупки оборудования, «без чего немислимо не только торжественное празднование, но и вообще деятельность Академии» [17]. Рассылались приглашения за границу (в списке значилось 315 учреждений и 340 персон) и внутри страны (220 учреждений и 550 персон).

Во время подготовки А.П. Карпинский вспомнил о существовании мозаики М.В. Ломоносова «Полтавская баталия». Он организовал ее поиск, доставку и реставрацию. Торжественное открытие мозаики состоялось накануне юбилея; тогда же ее впервые запечатлели на киноплёнке.

Средства на организацию и проведение юбилея выделил Совнарком СССР. 27 июля 1925 г. Российская академия наук была переименована в Академию наук СССР [18, с. 323].

Празднование состоялось 5–10 сентября в Ленинграде и 11–14 сентября в Москве. На торжественном открытии 5 сентября в Главном здании Академии наук присутствовало около 800 человек (из-за рубежа приехали 130 ученых). На следующий день с большой речью от имени правительства выступил М.И. Калинин; он уверял присутствующих, что именно социалистический строй нуждается в развитии научных дисциплин. Он же сообщил, что Советское правительство постановило признать Академию наук высшим всесоюзным научным учреждением, состоящим при Совнаркоме СССР.

Дни 7–10 сентября были посвящены осмотру академических учреждений и различным экскурсиям. 9 сентября открылась юбилейная выставка в Библиотеке РАН, на которой были

представлены академические издания за 200 лет (около 18 тысяч названий), архивные документы по истории Академии, а также многочисленные адреса, приветствия и подарки, преподнесенные к юбилею.

В Москве участников празднования принимал Моссовет во главе с Л.Б. Каменевым; торжества происходили в Большом зале Консерватории (выступал нарком просвещения А.В. Луначарский), в Актовом зале Московского государственного университета, в Большом театре и др.

Адреса (381 из СССР и 52 из-за рубежа), приветствия, подарочные издания, фотографии и другие материалы празднования поступили в Архив Академии наук, где составили отдельный фонд № 12, включающий 594 дела.

Непременный секретарь Академии наук Сергей Федорович Ольденбург, опубликовавший несколько статей к юбилею, завершил одну из них следующими словами: «Академия вступает в третье столетие своего существования, с твердой уверенностью, что она сможет еще больше расширить и углубить свою работу во всесоюзном и мировом масштабе» [19, с. 5].

Большой конференц-зал на третьем этаже долго оставался незаконченным, так как был предусмотрен проектом Кваренги на втором этаже. Потребовалось сделать дополнительное укрепление полов и перекрытий, чтобы они могли выдержать нагрузку наполненного людьми зала. Окончательный вид, сохранившийся в основном до настоящего времени, зал принял лишь к 100-летнему юбилею Академии наук в 1826 году.

Замысел архитектоники и убранства зала принадлежит Кваренги. Из-за его конфликта с Е.Р. Дашковой интерьерные работы завершал другой архитектор, также итальянец Антонио дела Порто.

По стенам зала проходит широкий скульптурный фриз работы Карла Гофферта. На нем изображены события царствования Екатерины II. Полуциркулярная ниша-экседра западной стены украшена колоннами коринфского ордера из искусственного мрамора. К 100-летию Академии наук между колоннами поставили большой бюст Петра I. Падуги расписаны Фридрихом Рихтером в начале 1820-х годов.

В течение почти двух столетий в зале проходили торжественные собрания ученых, отчеты участников научных экспедиций, церемонии вручения премий, собрания научных обществ, симпозиумы, конференции, форумы.

Малый конференц-зал расположен на третьем этаже. Здесь же в свое время находился кабинет президента Академии наук Екатерины Воронцовой-Дашковой.

Окна без наличников в свое время вызывали неудовольствие президента Академии наук Екатерины Воронцовой-Дашковой, которая просила архитектора смягчить чрезмерную, как ей казалось, аскезу декора. Несмотря на то, что, по мнению Кваренги, статусу такого здания более подходит строгое, скупое оформление, он сделал для президента уступку, и окна кабинета Дашковой оформил по ее желанию. На месте кабинета Е.Р. Дашковой теперь находится Менделеевская гостиная.

Изображение здания Академии наук неоднократно использовалось в филокартии, филателии, нумизматике.

Количество открыток с видами Петербурга-Петрограда-Ленинграда, где в разных ракурсах присутствует один из символов города – Главное здание Академии наук, по мнению специалистов, превышает две сотни. Вид Главного здания Академии наук относится к «классическим» открыткам. Выпускались и жанровые открытки, где здание Академии является фоном зарисовок жизни города.

Была выпущена открытка и к 200-летию Академии наук.

Первый раз здание Академии наук появилось на почтовой марке в сентябре 1925 года в составе выполненного художником Николаем Алексеевым коллажа, включающего портрет М.В.Ломоносова (фрагмент написанной в 1787 году Леонтием Миропольским картины) на фоне Академии наук в обрамлении стилизованных виньеток с обозначением номинала, – 3 и 15 копеек.

Отдавая дань Санкт-Петербургу как родине Академии наук, марки этого выпуска сначала были выпущены в обращение в Ленинграде – 8 сентября и лишь три дня спустя – в Москве. Другим интересным фактом является выпуск марок 3 копейки с различной перфорацией. Сегодня стоимость наиболее редких из марок со смешанной перфорацией может достигать четверти миллиона рублей.

Похожий по замыслу коллаж – портрет М.В. Ломоносова на фоне Академии наук – был использован художником-миниатюристом Александром Мандрусовым при подготовке увидевшей свет в июне 1945 года марке номиналом 2 рубля, посвященной 220-летию Академии наук. Примечательно, что несмотря на одинаковый тираж, марка номиналом 30 копеек из этого же выпуска, на которой изображено здание Президиума Академии наук в Москве, ценится филателистами почти в пять раз ниже «ленинградской».

В 90-х годах XX века художники-граверы «Гознака» дважды отдали дань уважения творению Дж. Кваренги, выпустив по решению Банка России монеты номиналом 3 рубля, на лицевой стороне которых запечатлели здание Академии наук. Авторами выпущенной в 1992 году монеты стали главный художник Московского монетного двора Александр Колодкин и скульптор-медальер Василий Никищенко.

В 1999 году была выпущена вторая монета, на которой изображение здания Академии наук включено в композицию, посвященную 275-летию Академии наук. Авторы – главный художник Санкт-Петербургского Монетного двора Александр Бакланов и скульптор-медальер Игорь Комшилов.

До начала 1930-х годов основная часть академических организаций была расположена в Ленинграде, там, же проживало и работало большинство членов Академии наук. После перевода Академии наук в Москву в 1934 г. в здании на Университетской набережной оставались академические учреждения, комиссии, службы. Свои служебные кабинеты сохраняли в главном здании президенты Академии наук. С 1953 г. была введена новая должность – уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинграду.

17 февраля 1983 г. было принято решение об организации Ленинградского научного центра. Первым председателем Президиума ЛНЦ АН СССР стал академик И. А. Глебов, а в 1989 г. им становится академик Ж. И. Алферов. В 1992 г. ЛНЦ был переименован в Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. Заседания Президиума СПбНЦ РАН проходят в Малом конференц-зале.

В 2000 г. лауреатом Нобелевской премии по физике стал вице-президент РАН, директор ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН, председатель Президиума СПбНЦ РАН академик Ж.И. Алфёров. Он выступил инициатором проведения Петербургских встреч лауреатов Нобелевской премии. В июне 2003 г. состоялась первая встреча лауреатов Нобелевской премии «Наука и прогресс человечества». Она была включена в цикл праздничных мероприятий, посвященных 300-летию Санкт-Петербурга. С этого года встречи стали регулярными, они проходят в рамках международного научного симпозиума «Наука и общество».

В 2014 году Объединенным научным советом по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН был издан иллюстрированный буклет «Академия наук. Главное здание», в который вошли архивные материалы по главному зданию Академии наук в Санкт-Петербурге, подготовленные с.н.с. Санкт-Петербургского филиала Архива РАН А.Н. Анфертьевой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью документальных материалов из фондов личного происхождения является необыкновенное разнообразие и многоаспектность их содержания. В связи с этим экспертиза ценности, фондирование и обработка личных архивных фондов – дело очень сложное и ответственное. Трудно предугадать, какой именно факт из многих, отмеченных в документе, может оказаться необходимым исследователю. Поэтому единообразие, сжатое и вместе с тем исчерпывающее описание документальных материалов выдвигается на первый план и приобретает особую важность. Описание же и все другие виды информации о составе и содержании документальных материалов могут опираться лишь на столь же качественную экспертизу, фондирование и систематизацию документов фонда.

Документы личных фондов ученых важны прежде всего для развития той отрасли знаний, представителем которой является деятель науки, поскольку содержат его научные идеи, отражают его вклад в науку. Они также служат закреплению приоритета ученого в открытии и описании тех или иных явлений и закономерностей. Документы личных фондов ученых важны и с точки зрения изучения истории науки как формы общественного сознания, истории накопления научных знаний, тенденций и направлений самой науки, они необходимы при изучении биографии деятелей науки. Соединение биографического и исторического аспектов помогает проследить роль ученого на фоне общего пути эволюции научной мысли и его значения в культурной жизни общества.

Обработка и описание архивных материалов из фондов личного происхождения имеют важное значение в изучении истории отечественной науки. Сохраняя личные архивы, сохраняется память о выдающихся современниках.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964.
2. Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009.
3. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления. М., 2004.
4. Материалы для истории Императорской Академии наук. Том 1 (1716–1730). СПб., 1885.
5. *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий. Л., 1974.
6. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
7. Палаты Санктпетербургской имп. Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741.
8. *Пилявский В. И.* Джакомо Кваренги. Л., 1981.
9. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 771. Л. 8.
10. *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo. СПб., 1996.
11. Канн П. Я. Стрелка Васильевского острова. Л., 1973.
12. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 771. Л. 413.
13. *Князев Г. А.* Мозаика Ломоносова «Полтавская баталия». СПФ АРАН. Ф. 929 (личный фонд Г. А. Князева). Оп. 1. Д. 368.
14. СПФ АРАН. Ф. 929. Оп. 1. Д. 368. Л. 1.
15. Северная пчела. 1 января 1827 г.
16. *Сухомлинов М. И.* Пятидесятилетний и столетний юбилеи. С.-Петербургской Академии наук // Русская старина. 1877. № 1. С. 18.
17. САФ АРАН. Ф. 929. Оп. 1. Д. 116. Л. 6.
18. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Сост. В. А. Тряскина. Л., 1986.
19. Прожектор (Москва). 1925. № 16.
20. *Голанов И.Г.* Воспоминания о курсах и практических занятиях А.А. Шахматова в Петербургском университете в 1913-1914 уч. году // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук 1920. Петроград: 1922. Т. XXV.
21. *Князев Г.А.* Дни Великих испытаний. Дневники 1941-1945 / Под редакцией

Н.П. Копаневой. СПб.: Наука, 2009.

22. *Макаров В.И.* «Такого не бысть на Руси прежде...» Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб.: «Алтейя», 2000.
23. *Масальская Е.А.* Воспоминания о моём брате А.А. Шахматове. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2012.
24. *Никольский Н.К.* Памяти А.А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук 1920 г. Петроград: 1922. Т. XXV.

Публикации по теме исследования в 2014 году

1. Санкт-Петербург – Великобритания. XVIII–XXI вв. (Серия «Санкт-Петербург и мир») – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2014. – 534 с., илл.
2. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приёмшева; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 256 с.
3. Главное здание Академии наук (К 290-летию Академии наук). – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2014.